

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О СТАТЬЯХ ПРОФ. А. В. АРЦИХОВСКОГО ПО ПОВОДУ ОТКРЫТИЯ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

ДРАГОЦЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В советской лингвистической литературе вопрос о том, следует ли считать язык памятников деловой письменности древней Руси («Русской правды», договоров, грамот) русским литературным языком, не является дискуссионным.

Советскими языковедами было с полной неопровержимостью доказано, что язык деловой письменности, характерный своей близостью к живой устной речи, в то же время отличается от нее своей обработанностью, в частности в области синтаксиса, своим богатством лексики (особенно терминологической).

Исключительная точность формулировок «Русской правды», замечательного памятника старой русской письменности, несомненно, свидетельствует об определенной длительной традиции в составлении юридических документов, о том, что возникновение древнерусского делового языка следует отнести не к периоду сложения «Русской правды» (начало XI в.), а к более раннему времени.

О том же говорят и древнерусские грамоты, из которых древнейшая датированная грамота — великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода относится к первой половине XII в. (написана около 1130 г.).

Богатство, тщательная отработанность синтаксических конструкций даже в самых древних грамотах — яркое свидетельство длительной литературной традиции.

В недавно опубликованной работе Д. С. Лихачева «Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы» совершенно правильно указывается, что так называемые деловые памятники содержали элементы литературного художественного творчества, при этом «задолго до того, как на русской почве появились первые переводы греческих литературных и церковных произведений»¹.

Это является еще одним доводом в пользу мнения, что деловые древнерусские документы написаны на русском литературном языке.

Огромное количество грамот, сохранившихся от XII — XIV вв., давно позволяло предполагать, что грамотность в древней Руси была широко распространена, что к письму прибегали в быту не только для написания частных актов (духовных, данных, вкладных, купчих, меновных, раздельных и т. д.), но и в других целях; такое предположение, однако, оставалось лишь предположением вплоть до последнего времени.

Доказательства были получены в 1951 г. в результате исключительно успешных археологических раскопок в г. Новгороде, произведенных экспедицией, возглавляемой проф. А. В. Арциховским. Итогам экспедиции посвящена статья А. В. Арциховского «Новые открытия в Новгороде»², откликом на которую и является наша заметка.

Найденные при раскопках десять грамот на бересте и предметы домашнего обихода с надписями на них свидетельствуют о широком распространении грамотности уже в древней Руси.

Из десяти грамот одна относится к XI в., одна к XI—XII вв. (эта грамота из-за расслоения волокон бересты пока не прочитана), одна — к XII в., одна — к XIII в., одна — к XIII—XIV вв., остальные пять — к XIV веку.

Грамоты не имеют даты, но датировка, предложенная археологами, участниками экспедиции, не вызывает возражений. Она установлена на основании того, в каком культурном слое, между какими настилами деревянных уличных мостовых найдены грамоты, каковы палеографические особенности грамот и т. д.; некоторые возможные в дальнейшем уточнения датировки не изменят общей картины.

Главная ценность находки заключается не только в том, что найдены десять грамот и, следовательно, получен новый материал, расширяющий наши сведения в целом

¹ Д. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, «Вопросы истории», 12, декабрь, 1951, стр. 45.

² А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», 12, декабрь, 1951.

ряде областей, в частности в области русского языка, важнее то (и это с полным основанием подчеркнуто в статье А. В. Арциховского), что берестяные древнерусские грамоты до сих пор были совершенно неизвестны науке, что найденные грамоты по своему содержанию — записи частных лиц, частные письма.

Палеография располагала до последнего времени лишь весьма ограниченными данными о том, что береста служила материалом для писем; ни в одном из древнерусских произведений нет указания на широкое распространение бересты в качестве материала для письма, ни тем более нет указаний на берестяные грамоты.

Вполне понятно поэтому, что палеографы говорили о бересте как редком материале для письма, хотя, казалось бы, и возможно было предполагать наличие многочисленных памятников письма на бересте, поскольку пергамен стоял дорого.

Такое предположение, однако, исключалось: историки языка были уверены, что письменность в древней Руси была достоянием сравнительно узкого круга лиц из привилегированных сословий, что ею пользовались лишь в редких случаях, создавая летописи, художественные произведения, а также важные документы, государственные или частные, для которых не приходилось жалеть дорого стоящего материала — пергамена³.

Лишь полная уверенность в том, что письменность служила в это давнее время и целям частной переписки (а такой уверенности не было), неизбежно привела бы к выводу о большом распространении другого материала (помимо пергамена), материала дешевого, не требующего большой обработки.

Следует отметить, что еще до новгородских раскопок 1951 г. одно открытие заставляло предполагать широкое распространение письменности даже в X в. Мы имеем в виду надпись, относящуюся к первой четверти X в., на осколках глиняной корчаги (амфоры), найденной в 1949 г. в одном из Гнездовских курганов близ Смоленска. Эту надпись (она состоит из одного единственного слова) читают по-разному (М. Н. Тихомиров — как *горушца*⁴, П. Я. Черных — как *горушна*⁵), переводя ее как «горчица» или «горчичные» (семена, зерна). Таким образом, данная надпись указывала, что хранится в сосуде. Эта находка давала право предположить, что письменность была распространена в древней Руси и в быту. Подобная надпись на предмете бытового обихода (на деревянной крышке кадушки) найдена и экспедицией, открывшей десять берестяных грамот.

Обнаружена эта кадушка в культурном слое XII в. Надпись, в которой первая буква *м* глаголическая и две последующие *н*, *ь* кирилловские, А. В. Арциховский читает предположительно как *мень* «налим».

Наличие в надписи глаголической буквы не кажется случайным: в ряде памятников русского письма глаголические буквы встречаются рядом с кирилловскими. Характерно при этом, что в одном из таких памятников — Евгеньевской псалтыри XI в. все три случая употребления глаголической буквы приходятся именно на начало слова (глаголическая буква — первая буква в слове и является прописной), а так как данное слово начинается псалом, то и орнаментировано (ой).

Читая *мнь* как *мень*, А. Арциховский считает, повидимому, что в этом слове пропущена буква *е*. Такое предположение вполне допустимо. Возможно, что здесь описка, однако, странным кажется, что описка не была замечена и исправлена путем постановки *е* над *н* (способ, имевший место в древнерусских памятниках).

Заметим, однако, что в отдельных севернорусских диалектах, рядом с *мень*, встречаем вариант звучания этого слова в виде *минь* (ср. в украинском *минь*). Если допустить, что в древнем Новгороде также употреблялось *минь*, то вероятным кажется намеренный пропуск *и*, вызванный внешним сходством *н* и *и*⁶, а также частым употреблением вязи — связного написания этих двух букв.

Наше предположение остается только предположением, так как не может быть подтверждено данными других древнерусских памятников, в которых данное слово вообще не встречается. Первые засвидетельствованные случаи употребления этого слова встречаем в памятниках XVI в. (Писцовые книги Оболенской палаты 1563 г., Книга расходная Николаевского Карельского монастыря 1560—1563 гг.).

³ Характерно, что даже такой большого значения документ как Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю на село Буйцы, полюдь и серебряное блюдо хотя и написан золотым раствором, но на небольшом лоскуте пергамена.

⁴ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник Академии Наук СССР», т. IV, 1950.

⁵ П. Я. Черных, Две заметки по истории русского языка, «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», т. IX, вып. 5, 1950.

⁶ Это сходство усилилось, когда в букве *н* поперечная черта, шедшая с левой вертикальной черты, сверху, к правой вертикальной черте, вниз, стала приближаться к горизонтальному положению, что мы находим уже в древнейших рукописях, но что не имеет места в рассматриваемой нами надписи на кадушке и в новгородских грамотах, написанных на бересте

В этих памятниках слово *мень* стоит в косвенных падежах: *мии ловят* (Писцовые книги), *пятьдесят мнѣи свяжихъ* (Книга расходная). Выпадение *е* говорит о начальной форме *мень*, а не *минь*.

Но как бы ни расшифровывать надпись *мнѣ*, факт остается фактом: надпись на кадушке сделана в целях обозначения содержимого в ней, следовательно, в определенных бытовых хозяйственных целях.

Остановимся на грамотах, открытых А. В. Арциховским.

Содержание их весьма различно. Тут и перечень феодальных повинностей, и запись должников, и частные письма (семь грамот), и поэтический текст-загадка («есть градъ между нобомъ и землею а к ному еде посолъ безъ пути самъ нимъ везе грамоту непсану»).

Особенный интерес представляет частное письмо XI в., на котором мы и сосредоточим основное наше внимание. Это письмо прекрасно сохранилось, и на снимке отчетливо виден весь текст: + ѿ гостаты къ васильви еже ми отъць да дѣль и роди съда дѣли а то за нимъ а нинѣ водѣ новуюю женоу а мнѣ не въдасть ничто же изби въ роуки поустиль же ма а иноую по дѣль додѣи добръ сътворѣ.

А. В. Арциховский не колеблется признать имя Гостята мужским именем и сопоставляет его с новгородскими летописными именами Гостилец и Гостомысл, делая это с полным основанием.

В древнерусских летописях и грамотах находим большое количество имен и прозвищ на *та* (приводим все фонетические варианты одного и того же имени): Васята, Воята, Вышата, Гордята, Гродята, Гурята, Гюрята, Жидята, Жирята, Климета, Климята, Лазута, Лугота, Нежата, Оншута, Петрята, Пуята, Славята, Тешата, Федута (Федот), Ходота, Юрята.

Ни одно из перечисленных имен, действительно, не является женским именем, поэтому нет никаких оснований считать, что автор письма (Гостята) — женщина, и делать из этого допущения какие бы то ни было выводы, касающиеся, в частности, толкования текста грамоты.

Следует отметить, что лицо, писавшее грамоту, прошло хорошую школу письма. Об этом мы имеем право говорить не только на основании самого почерка, четкого, ясного, уверенного, но и на основании орфографии документа.

Так, в грамоте сохраняются *ѣ* и *ѥ* в любом положении (*къ васильви, отъць, съда дѣли, мнѣ, въдасть, ничто же, сътворѣ*).

Отметим для сравнения, что в памятниках того же XI в. (второй половины) — в Тмутороканской надписи 1068 г. мы находим *кнѣзь* вместо *князь* (в этом слове *ѣ* не имел поддержки в других формах того же слова или в других словах с тем же корнем с *ѣ* в сильном положении). Последовательное сохранение *ѣ* и *ѥ* в слабом положении, возможно, свидетельствует о том, что указанная грамота относится к первой половине XI в.

Вот почему мы не можем признать правильным то уточнение хронологии, выразившееся в расширении хронологических границ, которое имеет место в статье А. В. Арциховского «Археологические открытия в Новгороде», опубликованной в № 12 «Вестника Академии Наук СССР» за 1951 год. А. В. Арциховский пишет об этой грамоте (№ 9): «...по форме букв и по заглавию относится к XI—XII векам» (стр. 66).

Как мы полагаем, и форма букв свидетельствует в пользу XI в.: все буквы (см. в частности *ѣ, к, ѥ*) — древнейшего типа.

Не считаем нарушением определенной орфографической нормы случай, где *ѥ* стоит на месте ожидаемого *е* в слове — названии одушевленного предмета, которое в древнерусском языке принадлежало к склонению основ на *о*, но в данной грамоте имеет форму дат. п. ед., ч., образованную по типу основ на *й*: *Васильви* (от бытового *Василь*, а не от более частого книжного *Василий*)⁷.

Как известно, названия предметов одушевленных на *о*, *ю* часто образовывали форму дат. п. ед. ч. по типу основы на *й*, в мягком варианте соответственно с сохранением мягкости согласного основы (*Игореву, Лаареву*).

В нашей грамоте отмечена форма *Васильви*, возникшая в данном памятнике, как мы полагаем, не без влияния формы им. пад. *Василь*⁸. В первой половине XI в. (мы высказали выше предположение, что грамота написана в первой

⁷ См. случаи употребления имени *Василь* в более поздних памятниках — в 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку (вторая половина XIII — первая половина XIV в.), в Лаврентьевской летописи 1377 г., в Троицкой летописи 1408 г., в частных новгородских и псковских грамотах XV в. и др.

⁸ Подобные случаи колебания *е* — *ѥ, о* — *ѡ* в окончании дательного падежа, образованном под влиянием основ на *й*, см. в надписи XII—XIII вв. на пещанике в Киевской пещере: «ги помози рабоу своему феоодъви и феофилови...» (А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV вв., АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 48—49).

половине XI в.) глухие сохраняли свое произношение не только в сильном положении, но, возможно, и в слабом положении.

Как показатель твердых орфографических навыков у написавшего грамоту отмечим написание приставки *из* без *ъ* (употребление *ъ* в этой приставке не имело бы оснований; в древнецерковнославянских памятниках приставка *из* перед согласными также пишется без *ъ*): *изби*.

Следуя правилам русского произношения и русского письма, составитель грамоты последовательно пишет *оу*, ю на месте *Х* и *ж*: *вода новозу женосу, въ роуки, а иноу по Аъ*.

Употребление *а* не свидетельствует о носовом произношении гласного: мы находим эту букву в грамоте не только там, где *А* было исконным, но и на месте *я*, при этом как после согласного, так и после гласного (в рассматриваемой грамоте нет ни одного случая с *я*): *ѿ гостѣти, да Аъ, съда Аи, вода, мѣ, по Аъ, сътора.*

Написав слова *нынѣ, мѣнь, добръ*, согласно установившейся орфографии, с буквой *ь* составитель грамоты заменил *ь* буквой *е* в одном слове: *доеди*.

Таким образом, после согласного звука последовательно употребляется *ь* (там, где оно является исконным), после же гласного стоит *е*, которое в данном положении произносится, как *йе*.

Грамота не содержит никаких указаний на смешение *ц* и *ч*. С каждым из этих гласных мы имеем по одному случаю, причем нет ни замены *ц* буквой *ч* (чоканье), ни замены *ч* буквой *ц* (чоканье): *отъць, ничьто же*.

Отмеченные написания говорят не о том, что новгородцу, писавшему грамоту, была чужда типичная для новгородского говора черта, представленная в древнейших новгородских памятниках⁹, а о выдержанности орфографии, что мы уже отмечали выше.

Морфологические особенности памятника свидетельствуют о его бесспорной древности и особых замечаний не вызывают.

Мы отметили уже форму *Васильи* по типу основ на *й*. Укажем еще употребление аориста от глагола совершенного вида *избити* — *изби*. Характерно, что аорист образован от глагола, который не входил в застывшую юридическую формулировку (типа: *се купи, се приехаши послы* и т. д.). В типичной для древнерусских памятников форме мы находим аорист от глагола *въдати* — *въдасть* (контекст позволяет установить, что эта форма аориста, а не форма будущего простого)¹⁰.

То, что в небольшой по объему грамоте дважды употреблен аорист, подтверждает высказанную нами в работе «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)» мысль, что аорист был нормальной формой в древнерусских памятниках делового языка. В той же работе материалами древнерусского языка подтверждается и ранее высказывавшаяся русскими лингвистами (П. А. Лавровский, А. А. Потебня) мысль, что аорист являлся формой живого русского языка, и рассматривается грамматическое значение аориста¹¹.

Наличие аориста в частном письме XI в. является новым свидетельством в пользу имеющегося мнения об аористе, как форме живого русского языка¹².

Отметим последовательное употребление формы перфекта в 3-м лице ед. ч. и мн. ч. без вспомогательного глагола: *отъць да Аъ, роди съда Аи, въ роуки пуостиль же мѣ, иноу по Аъ*.

Таким образом, уже в XI в. форма перфекта 3-го лица без связки была нормой. Эта норма не была нарушена и в дальнейшем в памятниках делового письма. В исследованных нами 219 грамотах, относящихся к XII — началу XVII вв., встретилось 883 случая с 3-м лицом перфекта, причем только в трех случаях из 883 находим связку: в смоленской грамоте около 1230 г., в рязанской грамоте 1356 г., в двинской грамоте XV века.

⁹ См. Служебную Минею 1095г. (*въ црѣвъ, коньчь, старьчь*³ и др.), Служебную Минею 1096 г. (*въвѣа, коньчани*⁴ и др.), Служебную Минею 1097г. (*въньчь, отроца* и др.)

¹⁰ См. ряд примеров с формой аориста *дати* в двинских грамотах XV в. в нашей работе «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)», Львов, 1949, стр. 159.

¹¹ «Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)», стр. 162.

¹² Об этом же говорит одна из надписей бытового содержания, сохранившихся на столбах и стенах Новгородского Софийского собора и относящихся к XI—XII вв.: «Акиме стоѦ оуъсьне а рѣти о камень не ростепе». В. Н. Щепкин правильно отмечает: «...следующие формы убеждают, что аорист еще существовал в русском языке: ростепе, оуъсьне» (В. Н. Щепкин, Новгородские надписи Graffiti, «Древности». Труды Московского археологического общества, т. XIX, вып. III, М., 1902, стр. 44).

В пользу указанного мнения свидетельствует и надпись 1133 г. на «Стерженском кресте», в которой дважды употреблен аорист: («в лѣт) о 6641 мѣ(с)яця июля 14 д(е)нь почяхъ рѣти рѣку сюязъ иванко павловицъ і кр(е)сть съ поставхъ» (А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV вв., стр. 12).

Несомненный интерес лингвиста вызывает встретившаяся в грамоте форма причастия на -я от глагола совершенного вида — *сѣтворѧ*. Этот случай — первый по времени факт употребления указанной формы (при этом со значением прошедшего времени) в памятнике деловой письменности и отражает нормы живого русского языка.

Мы полагаем, что *сѣтворѧ*, как и *водѧ*, является в предложении сказуемым, но не главным, а второстепенным — тяготеющим к главному сказуемому, выраженному глаголом, и не равносильным глагольному сказуемому. Устойчивое сочетание *водѧ жену* близко по значению к словосочетанию, в которое входит глагол, — «имеет жену». Что *водѧ* является второстепенным сказуемым, а не определением и тем более не обстоятельством, видно из постановки союза *а* между сказуемым, выраженным причастием *водѧ*, и глагольным сказуемым *не въдасть* (удельный вес *не въдасть* в предложении более значителен, чем *водѧ*).

В примере с сочетанием *добрь сѣтворѧ* причастие *сѣтворѧ* не связано союзом с глаголом, следовательно, нет твердых оснований считать причастие второстепенным сказуемым. В пользу предположения, что причастие *сѣтворѧ* является второстепенным сказуемым, — древность памятника: в XI в. именная форма причастия действительного залога не превратилась в деепричастие, и поэтому не могла быть обстоятельством, с другой стороны, в грамотах эта форма причастия не бывает и определением.

Остановимся на синтаксических конструкциях грамоты (частично мы затронули выше отдельные вопросы синтаксиса).

В начале грамоты — номинативное назывное предложение с опущенным именем существительным *грамота*, благодаря чему потерян самый характерный признак номинативного предложения — наличие имени существительного в им. п.:

+ *ѿ гостѣи къ васильви*.

Такое начало грамоты мы встречаем в многочисленных официальных документах более позднего времени: «Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и к болшимъ и къ молодымъ, и кто гоститъ, и ко всемъ» (Новгородская грамота, писанная между 1266—1272 гг., пропускная грамота князя Ярослава Ярославича); «От посадника сидора и от рагуила и от всехъ сѣтскихъ. и от всехъ пльсковичъ къ ратьманомъ въ ригу, и къ всемъ рижаномъ» (Грамота псковского посадника Сидора в Ригу о выдаче Нездилца XIV в.); «от ко княгини андреевое и от е детей. ото князя семона ото князя. ивана. ко всемъ ратьманомъ. и ко всимъ купцомъ» (Грамота вдовы Полоцкого князя Андрея в Ригу о белке конца XIV в.)¹³ и др.

Важно подчеркнуть, что не только в официальных документах, но и в частной переписке имеет место определенная трафаретная формула начала грамоты, письма, что, как мы полагаем, свидетельствует об отсутствии резкой границы в отношении языка между древнейшими официальными документами — грамотами и частными письмами.

Отметим попутно, что и в грамоте, обозначенной в статье А. В. Арпиховского номером третьим и относящейся к более позднему времени, мы находим начало, которое тоже характерно для официальных документов: *поклонъ ѿ ерикши къ Есифу* (такое же начало в грамоте под № 6, принадлежащей XIII в.: *Поклоно от Филипа*. Дальше сохранились лишь отдельные буквы).

Отметим для сравнения начало официальных документов-грамот: «Поклонъ от князя от михайла. къ отцю ко влдце» (Новгородская грамота, написанная между 1294—1301 гг. — договорная грамота князя Тверского Михаила Ярославича с Новгородским владыкою и со всем Новгородом); «Поклонъ от Князя Федора къ Пискупу и к Мастеру и къ Ратманомъ» (Грамота Смоленского князя Федора Мстиславича в Ригу 1284 г.) и др.

Мы полагаем, что можно восстановить начало текста грамоты под № 5, от которой оторвана часть первой строки. Как отмечено в статье, сохранившийся текст начинается словами: «...сифа къ Матфею...» (не приводим текста полностью). Перед сохранилась часть (нижняя) буквы *е*. Поэтому предположение А. В. Арпиховского, что имя автора текста — *Есиф*, считаем правильным. На снимке совершенно отчетливо видна часть буквы *н*, за ней, повидимому, нижняя часть буквы *ъ* (или *о*), после нее часть буквы, не дающая представления о букве в целом, затем почти полностью сохранившаяся буква *д*, полностью сохранившаяся буква *а* и нижняя часть, как мы полагаем, буквы *е*. Так как грамоты часто начинались словами *поклонъ ѿ* (в частности, грамоты под № 3 и № 6, о которых мы говорили выше), то, принимая во внимание и пространство в грамоте от левого края до уцелевшей справа в первой строке части текста, мы считали бы возможным прочесть начало грамоты: *поклонъ ѿ давида. и ѿ есифа къ матфею*.

Отметим, что имя Давид (с *ы*, а не с *и*) часто встречается в новгородских грамотах, как частных, так и официальных.

Возвращаясь к рассмотрению текста грамоты № 9, отметим, что за назывным предложением следует сложноподчиненное предложение, в которое входит придаточное

¹³ В целях облегчения набора, прибегаем в примерах из памятников, не подлежащих специальному рассмотрению в статье, к некоторым упрощениям и заменам.

предложение подлежащее, являющееся по своему составу сложно-сочиненным предложением с союзом *и*: «*еже ми отъць даАль и роди съдаАли а то за нимъ*».

Союз *а* служит здесь не для связи придаточного с главным (главное по своему составу — неполное предложение: опущено сказуемое), а в целях усилительных.

Данное предложение говорит не только о том, что конструкции с придаточными предложениями широко употреблялись в литературном языке XI в., но и о том, что подчинительная связь оформлена с достаточной степенью четкости и ясности.

В приведенном предложении останавливает внимание конструкция главного предложения, формальная неполнота состава которого (отсутствует сказуемое — вспомогательный глагол) объясняется влиянием разговорной речи. Мы перевели бы это предложение: «а то принадлежит ему» или «а то в его ведении, власти». Далее следует пять простых предложений, из которых три имеют в начале предложения союз *а* (в древнерусских памятниках было широко распространено присоединение — нанизывание предложений при помощи союза *а*), а два — не имеют (в одном из них при глаголе-сказуемом стоит *же*, соединяющее два однородных члена — сказуемых).

Несмотря на то, что грамота принадлежит XI в., текст ее, кроме нескольких устойчивых словосочетаний (*водА... женоу, въ роукы поустилъ, женоу поАль*), не требует перевода. Легко объясняются два приведенных словосочетания: *водА... женоу* (выше мы останавливались на этом словосочетании) (*женоу*) *поАль* («взял в жены»).

Как отмечает А. В. Арциховский, «не совсем понятны слова „в руки пустил“». В статье того же автора «Археологические открытия в Новгороде», о которой мы уже упоминали выше, говорится, что возможно чтение: «избывъ руки, пустил же мя», т. е. «избыв по рукам, прогнал меня» (стр. 66). Мы полагаем, что слова «*въ роукы поустилъ*» следует перевести на основании сопоставления со сходным словосочетанием *ходити въ руку* (словосочетание в *роукы поустилъ* в других памятниках не встретилось), имеющим значение «действовать в подчинении», как «заставил подчиниться».

Не останавливаясь подробно на других грамотах, принадлежащих к более позднему времени, но тоже важных и интересных для лингвиста.

Отметим широкое применение прямой речи в грамоте под № 3 (относится к XIV в.), о которой мы уже говорили выше.

Относительно одного места в грамоте под № 5 (грамота XIII — XIV вв.) А. В. Арциховский пишет: «Трудно понять только выражение „не дать“».

Приведем текст грамоты («поклонъ ѿ давыда и ѿ е-сѣва къ матѣею постои за нашего сироту молви дворянину павлу петрову брату дать грамотъ не дать на него»).

Мы считаем, что *дать* является 3-м л. ед. ч. аориста от глагола *дати* и что конец текста следует перевести: «Скажи дворянину Павлу Петрову брату дать грамоты: не дал на него».

Такой перевод предполагает, что *на него* указывает на какое-то третье лицо, которое составитель грамоты не считал необходимым назвать, как не назвал он и имя сироты-крестьянина (возможно потому, что записка и была послана с этим крестьянином).

В статье А. В. Арциховского «Археологические открытия в Новгороде» предлагается возможное толкование этого места. А. В. Арциховский пишет: «Грамота содержит просьбу оказать протекцию и исклопотать документы. Трудно понять только выражение „не дать“». Впрочем, «ть» перед словом «грамоте» может быть сокращением указательно-усилительной частицы «ти» (такое «ть» в летописи встречается); тогда перевод будет: «да грамоты не даст на него» (стр. 65).

Такое предположение не вызывает особых возражений со стороны лингвистической. Следует, однако, отметить, что, приняв это толкование, мы должны будем рассматривать письмо как содержащее просьбу добиться нарушения закона, а именно того, чтобы грамоты не были выданы «на сироту» (против сироты как ответчика).

Как мы полагаем, в письме речь идет о том, чтобы сирота-истец смог осуществить свое законное право — получить грамоту «на» ответчика (против ответчика).

Наше понимание текста грамоты (оно в основном совпадает с толкованием А. В. Арциховского, если только не принять второй части его вывода, опровергающей первую часть) вытекает из рассмотрения формы *дать* как формы аориста (3-е лицо ед. ч. аориста от глагола *дати* в форме *дать* широко распространено в древнерусских памятниках, в частности, как мы отметили выше, в грамотах).

Десять берестяных грамот, найденных в результате раскопок в Новгороде в 1951 г., представляют собой драгоценные памятники древнерусской письменности.

Как указывает А. В. Арциховский в своей статье «Новые открытия в Новгороде», эти десять грамот — лишь незначительная часть того, что еще может быть найдено: «Культурный слой в Новгороде, по крайней мере, в Неревском конце, настолько насыщен берестяными грамотами, что общее их число на этой большой территории надо исчислять тысячами, если не десятками тысяч: ведь вскрыта ничтожная часть территории, меньше, чем десяти тысячная часть».

Разделяя уверенность автора в успехе дальнейших экспедиций, мы не сомневаемся, что будут найдены новые, ценные материалы, которыми значительно обогатятся сведения о русском языке древнейшей поры, о древнерусской культуре, высокой и самобытной.

В. И. Борковский